зазвучала критика в адрес князей и дружины. Элементы этой критики с XII в. сосуществуют на страницах летописи с идеализированными портретами носителей власти, выполненными в «монументально-историческом стиле» (термин Д. С. Лихачева). Больше того: осуждаемое в деятельности князей и дружины — современников летописца — противопоставляется им тому славному прошлому, оценка которого получила законченное художественное выражение именно в этих монументально-исторических портретах. Для митрополита Илариона заслуживающими похвалы были все князья, которые возвеличивали славу Русского государства — и «старый Игорь», и «славный Святослав» — князья-язычники, и просветитель Владимир, и его сын Георгий-Ярослав. Составитель Начального летописного свода конца XI в., свидетель распрей сыновей Ярослава Мудрого, ставит в пример своим современникам этих князей прошлого, которые «оборяху Русьскыя земля и ины страны приимаху под ся». Подобные рассуждения летописца, вставляемые им то в собственные обращения к читателям, то в речи действующих лиц, развивают заветы Ярослава сыновьям, которым он напоминал о «труде великом» отцов и дедов, строивших Русскую землю. Завещание Ярослава в том виде, в каком оно читается в летописи, по-видимому, является литературным произведением, созданным уже после смерти князя и имевшим целью предостеречь его наследников от тяжелых последствий княжеских междоусобий. В этом завещании уже нарисована исторически верная картина итогов феодальных распрей, оно является как бы предисловием к дальнейшему рассказу о распрях между сыновьями Ярослава, о первом нашествии половцев (6569 г.), о поражении князей в 1068 г., о трагических событиях 1093 г.

Все эти события дали тему обращенному к современникам лирическому монологу, которым составитель Начального свода закончил свое предисловие. К теме этого монолога он снова обратился, завершая свой труд. Оба лирических эпизода резко выделяются самым изложением на фоне остального текста летописи, оба напоминают о славном прошлом Русской земли, выражают уверенность в особом покровительстве ей божества, оба скорбят о бедствиях родины — разорении половцами, обличают корыстолюбие князей и дружины, междоусобия. Конец предисловия к Начальному своду в новгородских списках летописи представляет обращение летописца к читателям, напоминающее им о славных делах «древних князей и мужей» и обличающее «несытьство» князей и дружины — современников автора.[24] Д. С. Лихачев убедительно предполагает, что в своем первоначальном тексте это предисловие содержало также обвинение князей в междоусобных войнах и плохой обороне Русской земли.[25]

Каков бы ни был состав первоначального предисловия к Начальному своду, и в сохранившемся своем тексте оно проникнуто гражданским пафосом патриота, решившегося выступить против «сильных мира сего».

Обличение князей-современников, соединенное с похвалой их предкам, нашло опору для своего идейно-художественного выражения в Библии:

---

[24] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, Изд. Археографической комиссии. Пб., 1916, стр. 363—364.

[25] Новгородцы пропустили эту часть предисловия, так как «Новгород XII в. выигрывал от ослабления княжеской власти», и потому критика, имевшая в виду укрепление ее, там не была нужна, тогда как обвинение в «несытьстве» напоминало, что Новгород «существенно страдал от поборов, конфискаций, вир и других тягот, которыми князья облагали население». Следы пропущенной в Новгороде части предисловия Д. С. Лихачев усматривает в статье 1093 г., которая в Начальном своде содержала описание половецкого нашествия и объясняла его княжескими раздорами, тем, что уже при Всеволоде Ярославиче «людем не доходити къняже правьды». См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 95—97.